

Нормативность профессиональной морали и метаэтика

А.А. Морозов[✉], С.В. Денисенко

Омская академия МВД России, Омск, Россия

[✉]moroz_may@mail.ru

Введение. В статье рассмотрена проблема обоснования профессиональной морали. Акцент сделан на профессионально-этических проблемах деятельности сотрудников органов внутренних дел. Целью данной статьи является создание такого варианта обоснования нормативности профессиональной морали (на примере этики сотрудника органов внутренних дел), в котором соединены традиционные источники нормативности и возможности метаэтического дискурса. Необходимость обновленного понимания нормативности профессиональной морали проистекает из потребности новой методологии создания профессионально-этического стандарта сотрудника органов внутренних дел.

Методология и источники. В статье предложено метаэтическое обоснование профессиональной морали сотрудника правоохранительных органов с опорой на идеи К. Корсгаард и Дж. Томсон, предложивших в своих работах различные варианты обоснования нормативности морали. Мы исходим из признания того, что профессионально-этический стандарт, а также его обоснование не являются окончательным вариантом нашего понимания проблем профессиональной морали. Наш подход к их осмыслению основан на тулминовском принципе интеллектуальной инициативы, позволяющем рационально пересоздавать имеющиеся конструкты.

Результаты и обсуждение. Перевод профессионально-этической проблематики в дискурс метаэтики создает предпосылки для обретения убедительности требований профессиональной морали. Нормативная этика как основа профессиональной морали вполне согласуется с метаэтическим ответом на проблему нормативности, обозначаемым как «волюнтаризм». Однако при этом последний мало что добавляет с позиции рефлексивности наших убеждений. Значительно убедительнее выглядит позиция, называемая «призывом к автономии». В ее основе лежат кантианское положение о том, что моральные требования обретают реальность в собственной воле личности. Именно она есть главный источник нормативности. Важным шагом, придающим цельность обоснованию нормативности профессиональной морали, является преодоление абсолютизма этических высказываний. Этому служит анализ нормативных суждений с учетом их отнесения к контексту конкретной сферы деятельности.

Заключение. Сближение дискурсов нормативной этики и метаэтики позволяет выработать обоснование нормативности, в котором формальное описание требований профессиональной морали соединяется с внутренней способностью личности соотносить собственные действия и решения с профессионально-этическими приоритетами. Только формирование самостоятельной свободной личности образует основания нормативности профессиональной морали.

Ключевые слова: нормативность, мораль, профессиональная этика, правоохранительная деятельность, традиция, метаэтика.

Для цитирования: Морозов А. А., Денисенко С. В. Нормативность профессиональной морали и метаэтика // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 2. С. 5–14. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-5-14

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 13.01.2020; принята после рецензирования 11.03.2020; опубликована онлайн 27.04.2020

Normativity of Professional Morality and Metaethics

Andrey A. Morozov[✉], **Snezchana V. Denisenko**

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia

[✉]gpa-olgakireeva@mail.ru

Introduction. The paper deals with the problem of justification of professional morality. The emphasis is placed on professional and ethical problems of the activity of employees of internal Affairs bodies. The purpose of this paper is to create a version of the justification of the normativity of professional morality (for example, the ethics of an employee of internal Affairs bodies), which combines the traditional sources of normativity and the possibility of metaethical discourse. The need for an updated understanding of normative and professional morals stems from the need for a new methodology for creating a professional and ethical standard for an employee of internal Affairs bodies.

Methodology and sources. The paper offers a methodological justification of the professional morality of a law enforcement officer based on the ideas of K. Korsgaard and J. Thomson, who proposed in their works various options for justifying the normativity of morality. We proceed from the recognition that the professional and ethical standard, as well as its justification, is not the final version of our understanding of professional morality. Our approach to understanding them is based on the Tulmin's principle of intellectual initiative, which allows us to rationally recreate existing constructs.

Results and discussion. The translation of professional and ethical issues into the discourse of metaethics creates the prerequisites for gaining the credibility of the requirements of professional morality. Normative ethics as the basis of professional morality is in good agreement with the metaethical response to the problem of normativity, referred to as "voluntarism". However, the latter adds little to the reflexivity of our beliefs. The position called "call for autonomy" is much more convincing. It is based on the Kantian proposition that moral demands take on reality in the individual's own will. It is the main source of normativity. An important step that gives integrity to the normativity of professional morality is to overcome the absolutism of ethical statements. This is the analysis of normative judgments, taking into account their reference to the context of a particular field of activity.

Conclusion. The convergence of the discourses of normative ethics and metaethics allows us to develop a justification of normativity, in which the formal description of the requirements of professional morality is combined with the internal ability of the individual to correlate his own actions and decisions with professional and ethical priorities.

Key words: normativity, morality, professional ethics, law enforcement, tradition, metaethics.

For citation: Morozov A. A., Denisenko S. V. Normativity of Professional Morality and Metaethics. DISCOURSE.2020, vol. 6, no. 2, pp. 5–14. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-5-14(Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 13.01.2020; adopted after review 11.03.2020; published online 27.04.2020

Введение. Человек в современном мире оказывается в непреходящем состоянии выбора, причем это выбор из открытого списка возможностей. Готовые жизненные сценарии, в которых расписаны роли, характеры, возможности, убеждения и верования, устранены парадигмой модерна. Дело усугубляется тем, что основания этого выбора не всегда ясны и часто оказываются неубедительными даже для самого выбирающего. Такая ситуация несет в себе слабый драматизм, когда дело касается проведения досуга в ближайшие выходные или даже планов на отпуск. Однако напряжение стремительно нарастает при необходимости морального выбора, создающего перспективу дальнейшего существования и личной ответственности. Особенную значимость этот выбор приобретает в процессе осуществления профессиональной деятельности, последствия которой, благоприятные или неблагоприятные, касаются широкого, а иногда неопределенного круга лиц. В первую очередь это относится к областям медицины, образования, правоохранительной деятельности, государственной и муниципальной службы.

Профессиональные сообщества стремятся обеспечить деятельность своих представителей профессионально-этическими стандартами, которые выстраиваются на признании специфики конкретной профессиональной деятельности. Создаются деонтологические документы, закрепляющие эти стандарты. Однако необходимо признать, что быстрый успех в этой деятельности не гарантирован. Так, в органах внутренних дел в постсоветский период было создано два профессионально-этических кодекса: «Кодекс чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации» (принят в 1993 г., отменен в 2008 г.), «Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» (принят в 2008 г., отменен в 2012 г.). Нет оснований утверждать, что они не отражали специфики правоохранительной деятельности. Каждый из них в свое время получил серьезное обоснование в научных разработках ведомственных научных и образовательных организаций, в научных статьях и учебной литературе.

За последние два десятилетия появились сотни публикаций, в которых формулируются, анализируются, решаются проблемы профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел. Помимо общих работ, охватывающих проблематику в целом, множество работ посвящено обоснованию антикоррупционного стандарта [1], предотвращению профессионально-этической деформации сотрудников [2], формированию образа сотрудника в современном обществе и культуре [3]. В настоящее время значительное внимание уделяется необходимости разработки и принятия Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел [4].

В этом многообразии работ отсутствуют попытки серьезного обоснования профессионально-этических требований, по большей части воспринимающиеся как данность, источники которой остаются вне пределов внимания. Отсылка только к законодательству и деонтологическим документам как источникам морального должностования может становиться основой скепсиса в отношении профессиональной морали. В условиях изменчивости источников последняя также осмысливается как неустойчивый конструкт. Именно поэтому в данной статье предпринимается попытка использовать ресурсы метаэтики в обосновании профессиональной морали.

Обращение к работам западных философов К. Корсгаард и Дж. Томсон оказывается абсолютно не случайным. Во-первых, в своих сочинениях они проанализировали метаэти-

ческий дискурс, выделили основные подходы к возможности обоснования нормативности морали, предложили собственные варианты решения проблемы нормативности морали. Во-вторых, работы «Источники нормативности» К. Корсгаард [5] и «Нормативность» Дж. Томсон [6] не только породили серьезные дискуссии в англоязычной литературе, но и стали отправными точками для дальнейшего анализа проблематики нормативности. При том что Корсгаард и Томсон предлагают совершенно разные варианты рассуждения о нормативности, для решения задачи данной статьи мы можем использовать их отдельные положения, демонстрируя последовательный прагматизм в рассуждениях.

Методология и источники. Профессиональное сообщество создает профессионально-этический стандарт, содержащий систему обоснованных требований к любому человеку, вступившему в его ряды. В деятельности сотрудника правоохранительных органов моральный аспект имеет фундаментальный характер. Присутствие несправедливости, дискриминации, насилия, беспорядка в правоохранительной деятельности превращают ее в собственную противоположность.

Конечно, изучение и усвоение профессионально-этических представлений и требований к поведению сотрудника правоохранительных органов в значительной степени относится к области практической этики, задача которой – «найти приемлемые решения современных и практически неотложных моральных проблем» [7, с. 194]. Вместе с тем это не отменяет проблему нормативности профессиональной морали. Ее содержание состоит в вопрошании (по словам К. Корсгаард) о том, что оправдывает требования, которые мораль предъявляет нам [5, с. 23]. Для полноценного обоснования нормативности профессиональной морали необходимо соединить возможности нормативной этики и метаэтики.

Результаты и обсуждение. Традиционным способом решения проблемы нормативности является обращение к специфике профессии, сложившимся традициям, деонтологическим документам.

Служба в органах внутренних дел представляет собой специализированную деятельность, направленную на защиту прав и свобод граждан, основ государственного строя, охрану общественного порядка, обеспечение законности и общественной безопасности. Эта деятельность реализуется в постоянном взаимодействии с коллегами, законопослушными гражданами и правонарушителями, представителями иностранных государств, органами власти и самоуправления, многообразными социальными институтами. Служба в органах внутренних дел порождает значительный объем моральных проблем, ситуаций выбора и неопределенности, что требует от сотрудника особой моральной чувствительности, способности распознавать этические вопросы, умения быстро и четко соотнести сложившуюся ситуацию и требования, предъявляемые к нему как сотруднику. Это относится к любому сотруднику, так как каждое подразделение органов внутренних дел, решая возложенные на него задачи, вносит свой необходимый вклад в достижение целей и смысла существования правоохранительных органов.

Служебные традиции органов внутренних дел Российской Федерации выполняют задачи объединения и воспитания профессионального сообщества. Традиции служебной деятельности полиции, возникшие на основе воинских традиций, постепенно приобрели именно полицейское воплощение. Они создают профессиональную субкультуру полицейской службы, закрепляющую основные смыслы и ценности службы: долг, честь, достоинство, государственность, гражданственность, патриотизм.

Профессиональная этика сотрудников органов внутренних дел имеет ярко выраженный деонтологический характер. Как известно, понятие «деонтология» было введено в этику английским философом-моралистом и правоведом Иеремией Бентамом, сочинение которого «Деонтология, или наука о морали» увидело свет в 1834 г. В его понимании задача деонтологии – придать социальным мотивам всю силу личных мотивов, убедить, что личные интересы и обязанности перед обществом совпадают [8, с. 626]. В настоящее время деонтология понимается как этика долга, в которой выражение нравственной позиции происходит в виде императивов, выражающих долженствование или запрет.

Вместе с тем профессиональная этика сотрудника органов внутренних дел помимо деонтологического включает также аксиологическое содержание. Аксиология – учение о ценностях, в котором исследуются характеристики и иерархия ценностей, способы их познания, специфика ценностных суждений. Следование принципам служебной деятельности сочетается с утверждением ценностей службы и общественного развития. Ценности службы выражают такое состояние нравственности сотрудника, его гражданскую позицию, состояние отношений между обществом и органами внутренних дел, которые обеспечивают нравственный характер деятельности сотрудника органов внутренних дел. Долг признается ведущей ценностью профессиональной морали именно в тех профессиях, которые связаны с ценностью человеческой жизни.

Деонтология является примером нормативной этики. Полицейская деонтология, возникшая на стыке профессиональной этики и социологии морали, показывает, что механизмы связи между населением и профессиональным сообществом работают как социальный заказ в форме текстов кодексов. Полицейская деонтология в качестве социального института складывается на основе многих факторов: национальных особенностей, исторических этапов формирования полиции, традиций и обычаев.

Уточнение и закрепление деонтологических норм, доведение их до личного состава, осознание их значимости каждым сотрудником – такова задача практической полицейской деонтологии.

Полицейская деонтология как учение о долге и должном поведении должностных лиц, обладающих властными полномочиями в рамках своих профессиональных обязанностей, неоднократно обращается к профессиональным традициям, оформляющим ценность долга. Военные предписания, относящиеся к почестям, нормам вежливости и отдания чести, безусловно, применимы в поведении полицейских [9, с. 113–114].

Обращение к деонтологическим документам и законодательной основе деятельности сотрудника формирует ответ по проблеме нормативности морали, который К. Корсгаард называет волюнтаризмом, согласно которому «моральное обязательство выводится из приказа того, кто легитимировал власть морального агента и может издавать законы для него. Ты должен делать правильные вещи, потому что Бог так установил, или потому что политический суверен сделал его законом» [5, с. 24]. Мы можем следовать указаниям законодателя, по крайней мере, исходя из трех разных оснований. Во-первых, мы можем принимать их как безусловное благо, приносящее пользу и нам, и окружающим. Тогда мы следуем им в силу того, что они утверждают *хороший* вариант развития событий. Во-вторых, мы можем подчиняться деонтологическим и законодательным требованиям из-за страха негативных санкций, связанных с лишением, наказанием и прочими негативными последстви-

ями, или вследствие ожидания позитивных санкций, формирующих надежду на улучшение собственного положения.

В-третьих, подчиняться требованиям профессиональной морали можно, отказавшись от любой рефлексии, в силу того, что эти требования существуют, и сам факт их существования делает обязательным следование им. Это наименее осмысленный вариант выбора. Его слабой стороной является то, что делает такого сотрудника потенциально легким объектом манипуляции. Да и в целом, волюнтаризм, получивший первоначальное обоснование у Самуэля фон Пуфендорфа и Томаса Гоббса, уязвим, прежде всего, с эмпирической точки зрения, так как исходит из безусловной безгрешности законодателя и имманентной разумности морали.

К. Корсгаард предлагает еще три, по ее мнению, удачных ответа на вопрос, что делает мораль нормативной. Реализм, утверждающий предзаданную истинность моральных высказываний, и позиция, называемая «рефлексивным одобрением» и возводящая мораль к человеческой природе, имеют ограниченные возможности для решения проблемы нормативности профессиональной морали. Тогда как четвертый вариант ответа – *призыв к автономии* – предоставляет большие возможности для этого. Это кантианская позиция, которая указывает на то, «что источники нормативности моральных требований должны быть найдены в собственной воле личности, в частности, в признании того, что законы морали есть законы собственной воли личности» [5, с. 25]. Таким образом, мы выходим на проблему формирования личности, способной к самостоятельному моральному действию, законодательствующей самой себе. Целью наших усилий становится личность, властвующая сама над собой. Мораль становится реальной независимой силой тогда, когда причина наших действий внутренне нормативна. Именно в этом случае традиции, деонтологические документы, осознание специфичности своей деятельности становятся необходимой основой себе законодательствующего разума.

Однако специфика правоохранительной деятельности порождает ряд затруднений морального свойства. В частности, раскрытие и расследование преступлений, охрана общественного порядка предполагают множество действий, которые в свете моральных суждений оказываются достаточно сомнительными, чтобы дать им позитивную моральную оценку. Нормативность профессиональной морали в отношении оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел требует особого размышления. Двойственный характер норм профессионального поведения сотрудников оперативных служб порождается негласным характером подготовки и достижения поставленных задач, главной из которых является борьба с преступностью. Норма поведения в этой профессиональной сфере чаще всего закрыта от широкой общественности, она не всегда закреплена в законодательстве, рассматривается в сугубо профессиональных кругах, изданиях, источниках [10, с. 21]. Открытость и доступность таких профессиональных норм ставят под угрозу саму успешность оперативно-тактических задач.

Этика оперативно-розыскной деятельности допускает комплекс неоднозначных поступков и стилей поведения. Такие нормы, как приемы введения в заблуждение, использование конфиденциального содействия, тактические приемы, и есть нормы профессиональной морали негласного характера. Закрытый характер требует внутренней профессиональной согласованности, договоренности, морального обоснования, например, введения критерия

крайней моральной необходимости, указания границ моральной допустимости действий, не имеющих правового закрепления [10, с. 23]. И в то же время кантианский запрет «лжи во спасение» сохраняет свою актуальность, так как четко определены правовые границы и условия применения специальных методов оперативно-розыскной работы. Это исключает произвольность в действиях сотрудников правоохранительных органов, согласовывает их с такими основными нравственными принципами правоохранительной деятельности, как законность и справедливость. Эти принципы предполагают утверждение ценностей правды, равноправности людей. Каким образом? Это происходит в силу того, что индивид, принимая решение о нарушении закона, знает (или должен знать) о возможности применения в его отношении мер особого характера. Иначе говоря, обе стороны, сотрудник полиции и правонарушитель, знают правила игры прежде, чем она началась.

Оперативный сотрудник в процессе выполнения профессиональных задач неизбежно сталкивается с проблемой морального выбора того или иного средства достижения поставленной цели, которая не имеет единого и четко сформулированного подхода в профессиональном сообществе. Попытка ввести в норму деонтологический текст, создав этический кодекс оперативной работы, не увенчалась успехом [10, с. 24]. Практические сотрудники и ученые пришли к осознанию *необходимости активной запрещающей нормы* всех тех действий, которые нарушают доверие к представителям власти, причиняющих моральные страдания за действия, не связанные с противоправным поведением. Также недопустимо эксплуатировать моральные страдания участников правонарушения, использовать родственные мотивы и прямо воздействовать на третьих лиц, не вовлеченных в преступную деятельность. Такие нормы в самом широком смысле активизируют нравственную ситуацию в профессиональной среде.

Примиришь специфику деятельности сотрудника правоохранительных органов и моральные требования возможно только через отказ абсолютизации наших моральных суждений без учета всех условий, в которых совершаются конкретные поступки. Абсолютизация моральных суждений при столкновении с имеющейся реальностью приводит к тому, что человек формулирует для себя дилемму: отказаться от действия или от морального требования. Это часто провоцирует формирование моральной неразборчивости и морального нигилизма. Именно неспособность понять сущность отношений морального сознания и сложности жизненных обстоятельств приводит к сомнению в самой возможности осуществления правоохранительной деятельности в контексте моральных требований. Тогда профессиональная этика превращается в формальную декларацию, которая играет функцию украшения парадного фасада правоохранительной системы.

Возвращаясь к «призыву к автономии» и признавая, что «автономия – это источник обязательств» [5, с. 107], мы должны понять, на каких исходных максимах эта автономия может действовать. И не приведет ли отказ от абсолютизации моральных суждений к моральному релятивизму? Здесь мы обратимся к размышлениям Джудит Томсон о нормативности морали.

Дж. Томсон в работе «Нормативность» начинает свои рассуждения с различения суждений нормативных и ненормативных. В первом случае нормативные суждения основаны на долженствовании, тогда как ненормативные – на констатации фактов. В качестве нормативных Томсон также рассматривает оценочные суждения. Делая различие между суж-

дениями-указаниями и суждениями-оценками, она приступает к анализу понятия «совершенство (благо, добродетель)». Из построений Дж. Э. Мура она формулирует Тезис Совершенства, суть которого сводится к тому, что свойство совершенства (блага, добродетели) присуще всем хорошим вещам. Томсон развертывает из положений Дж. Э. Мура обоснование этого тезиса. Однако затем приводит опровержение.

Дж. Томсон рассуждает о совершенстве, об относительном характере утверждений о совершенстве. Для большей наглядности она прибегает к аналогичным утверждениям о большом и задается вопросом, будут ли утверждения о большом истинными. Она приходит к выводу, что невозможно установить какой-либо стандарт большого. Слон, высотное здание, галактика могут оказаться и большими, и маленькими в зависимости от того, с чем мы их соотносим. Подобная же логика действует относительно совершенства (блага, добродетели): «В общем, человек, который говорит: “Это есть хорошее (совершенное)” в некотором отношении приписывает свойство “Быть хорошим в отношении R”» [6, с. 9]. Высказывание об отношении можно пропустить в том случае, если его адресату известно об этом отношении.

Заключение. Проецируя рассуждения Дж. Томсон на многие действия, производимые сотрудниками в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности (внешнее наблюдение/подглядывание, прослушивание/подслушивание), мы можем им приписать свойство блага только с учетом целей, смысла, значения такой деятельности для обеспечения общественной безопасности, прав и свобод человека и гражданина. В конечном итоге, вся совокупность аргументов Дж. Томсон позволяет согласиться с тезисом, что «нет таких свойств, как быть (просто) хорошим действием, событием, фактом, состоянием дел или возможным миром» [6, с. 26].

Этот вывод ни в коей мере нельзя рассматривать как выражение релятивистских воззрений на мораль. Более того, он позволяет сконструировать и обосновать четкие критерии для формирования профессионально-этических суждений. В правоохранительной сфере существуют аксиоматические приоритеты, с которыми мы можем соотносить оценку действий, поступков. К ним относятся права и свободы человека и гражданина, законность, справедливость. Именно эти приоритеты образуют систему координат, обеспечивающую нравственный выбор и возможность определения сущности наших действий с позиции совершенства (блага, добродетели). Тот путь обоснования нормативности профессиональной морали, который нами предложен, предполагает сближение нормативной этики и метаэтического дискурса.

Согласившись с А. В. Ястребцовой в том, что «единственным средством оправдания целесообразности философской рефлексии в этом направлении является обоюдное стремление метаэтики и нормативной этики к поиску совместных решений по обоснованию нормативности» [11, с. 57], в заключение отметим, что нормативность профессиональной морали становится действенной в процессе интериоризации профессионально-этических суждений, приоритетов, норм и ценностей, а также способов их обоснования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петров В. Е., Сенаторова О. Ю. Морально-этические стандарты антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел // Вестн. ВИПК МВД России. 2013. № 3 (27). С. 50–55.

2. Агамиров К. В. Профессиональная деформация нравственных принципов сотрудника правоохранительных органов // *Человеческий капитал*. 2014. № 2 (62). С. 137–146.
3. Каданцева Н. П. Имидж сотрудников органов внутренних дел России: история и современность // *Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России*. 2012. № 3 (55). С. 183–186.
4. Емельянова Е. В., Батхаев В. В. Деонтологические основания принятия Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел // *Труды Академии управления МВД России*. 2017. № 4 (44). С. 136–142.
5. Korsgaard Ch. M. *The Sources of Normativity*. The Tanner Lectures on Human Values. 1992. URL: https://tannerlectures.utah.edu/_documents/a-to-z/k/korsgaard94.pdf (дата обращения: 06.12.2019).
6. Thomson J. J. *Normativity*. Chicago: Open Court, 2008.
7. Кэллахан Дж. От «прикладной» этики к практической: преподавание этики в практическом аспекте // *Этическая мысль*. 2009. № 9. С. 193–207.
8. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 1.
9. Кукушин В. М. *Полицейская деонтология. Социологический анализ зарубежных концепций*. М.: Академия МВД России, 1994.
10. Невский Е. П. Морально-этические аспекты использования рефлексивного управления в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // *Оперативник (сыщик)*. 2010. № 2 (23). С. 21–25.
11. Ястребцева А. В. Метаэтика: реализм и антиреализм в современных дискуссиях об основаниях нормативности // *Вопр. философии*. 2016. № 10. С. 47–57.

Информация об авторах.

Морозов Андрей Анатольевич – кандидат исторических наук (2001), доцент (2019), доцент кафедры философии и политологии Омской академии МВД России, пр. Комарова, д. 7, г. Омск, 644092, Россия. Автор 60 научных публикаций. Сфера научных интересов: нормативность морали и религии, философская антропология, религия в современном мире. E-mail: moroz_may@mail.ru

Денисенко Снежана Валентиновна – кандидат философских наук (1998), доцент кафедры философии и политологии Омской академии МВД России, пр. Комарова, д. 7, г. Омск, 644092, Россия. Автор более 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: профессиональная этика сотрудников органов внутренних дел, философия культуры. E-mail: denisenko_s_v@mail.ru

REFERENCES

1. Petrov, V. E. and Senatorova, O. U. (2013), "Moral and ethical standards of anti-corruption behavior of employees of internal Affairs bodies", *Bulletin of the Advanced Training Institute of the MIA of Russia*, no. 3 (27), pp. 50–55.
2. Agamirov, K. V. (2014), "Professional deformation of moral principles of a law enforcement officer", *Human capital*, no. 2 (62), pp. 137–146.
3. Kadantseva, N. P. (2012), "Image of staff of law-enforcement bodies of Russia: history and development directions", *BULLETIN OF ST. PETERSBURG UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA*, no. 3 (55), pp. 183–186.
4. Yemelyanova, E. V. and Batkhayev, V. V. (2017), "Deontological Argumentation for Adopting a Code of Professional Ethics of Service Personnel of Bodies and Units of the Ministry of Internal Affairs", *Trudy Akademii Upravleniya MVD Rossii*, no. 4 (44), pp. 136–142.
5. Korsgaard, Ch. M. (1992), *The Sources of Normativity*. *The tanner lectures on human values*, available at: https://tannerlectures.utah.edu/_documents/a-to-z/k/korsgaard94.pdf (accessed 06.12.2019).
6. Thomson, J. J. (2008), *Normativity*, Open Court, Chicago, USA.

7. Callahan, J. (2009), "From "applied" ethics to practical: teaching ethics in a practical aspect", *Ethical Thought*, no. 9, pp. 193–207.

8. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4-kh t.* [New philosophical encyclopedia: in 4 vol.] (2010), vol. 1, Mysl', Moscow, RUS.

9. Kukushin, V. M. (1994), *Politseiskaya deontologiya. Sotsiologicheskii analiz zarubezhnykh kontseptsii* [Police deontology. Sociological analysis of foreign concepts], Akademiya MVD Rossii, Moscow, RUS.

10. Nevsky, E. P. (2010), "Moral and Ethical Aspects of the Use of Reflection Control in Operational-Investigative Activity of Internal Affairs Bodies", *THE FIELD INVESTIGATOR (SLEUTH) JOURNAL*, no. 2 (23), pp. 21–25.

11. Yastrebtseva, A. V. (2016), "Metaethics: Realism and Anti-realism in Modern Discussions about Foundations of Normativity", *Russian Studies in Philosophy*, no. 10, pp. 47–57.

Information about the authors.

Andrey A. Morozov – Can. Sci. (History) (2001), Docent (2019), Associate Professor at the Department of Philosophy and Political Science, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Komarova ave., 7, Omsk, 644092, Russia. The author of 60 scientific publications. Area of expertise: normative morality and religion, philosophical anthropology, religion in the modern world. E-mail: moroz_may@mail.ru

Snezhana V. Denisenko – Can. Sci. (Philosophy) (1998), Associate Professor at the Department of Philosophy and Political Science, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Komarova ave., 7, Omsk, 644092, Russia. The author of more than 40 scientific publications. Area of expertise: professional ethics of employees of internal Affairs bodies, philosophy of culture. E-mail: denisenko_s_v@mail.ru